

П. М. Дебиров в. *Резьба по камню в Дагестане*. Изд-во «Наука». Гл. ред. восточной литературы М., 1966, 208 стр.

Новая книга искусствоведа П. М. Дебирова знакомит с камнерезным искусством дагестанских горцев, о котором раньше писали А. С. Башкиров, И. А. Орбели, Э. В. Кильчевская, автор рецензируемой книги и др. Новая работа П. М. Дебирова выгодно отличается от предыдущих исследований на эту тему обилием материала, для сбора которого он посетил около 400 населенных пунктов. К тексту приложены таблицы с 216 фотографиями и зарисовками памятников камнерезного искусства Дагестана разных эпох.

Памятники этого искусства П. М. Дебиров подразделяет на резные камни, употребляемые в качестве архитектурного декора, бытовые предметы из камня и надмогильные камни. Из них последние преобладают количественно над двумя первыми видами, и в книге П. М. Дебирова уделено наибольшее внимание надмогильным памятникам, которые очень часто представляют собой высокохудожественные произведения народного искусства. Автор прав, говоря, что многие дагестанские кладбища «являются настоящими музеями, богатейшими коллекциями памятников искусства резьбы по камню» (стр. 9). В книге детально описаны виды орнаментов на каменных изделиях (графический или повествовательный, геометрический, ленточный и растительный), прослежены местные корни орнаментов и степень влияния на них искусства Закавказья и Передней Азии, выявлены локальные варианты камнерезного искусства Дагестана и техника нанесения орнамента на камень.

Не вдаваясь в разбор многочисленных искусствоведческих выводов автора (это, очевидно, сделают специалисты-искусствоведы), отмечу, что само по себе собрание многочисленных иллюстраций художественных образцов народного творчества делает эту книгу полезной. Хорошее впечатление о ней снижается, к сожалению, досадными погрешностями, вкраившимися в текст.

Неверно, будто центром Ширвана был Дербент (стр. 7). Не В. И. Марковин опубликовал наскальные изображения у сел. Лучек (стр. 16). Нельзя говорить о конце XVII в., как о «времени правления нуцал-хана хунзахского» (стр. 21), так как «нуцал» или «нуцал-хан» — не собственное имя, а титул многих хунзахских правителей. Арабская надпись на памятнике, изображенном на рис. 71, содержит не «басмалу», как утверждает автор (стр. 47), а формулу единобожия. В книге сказано, что среди лаццев раскраска надмогильных памятников применялась лишь жителями сел. Кума (стр. 52), но такие памятники встречаются в разных районах Дагестана, в том числе во многих лакских селениях.

Больше всего ошибок допущено автором при датировке описанных им памятников. Ошибки эти обнаруживаются, когда фотографии памятников позволяют различить почерк арабских надписей, сделанных камнерезами, и прочесть эти надписи с содержащимися в них датами. Так как среди читателей книги П. М. Дебирова несомненно окажутся и незнакомые с арабским языком, то отметим эти ошибки.

Рис. 71 изображает памятник не XVI в., как считает автор, а XIV—XV вв. (по почерку).

Рис. 72 — не IX—X вв., а XII—XIII вв. (по почерку).

Рис. 75 — не XVI—XVII вв., а XI—XII вв. (по почерку).

Рис. 77 — не XVII в. (ср. стр. 68) и не XVII—XVIII вв. (стр. 72), а XI—XII вв. (по почерку).

Рис. 84 — не XVIII в., а 1609—1610 гг.

Рис. 90 — не конец XVIII — начало XIX в., а около XIII в. (по почерку).

Рис. 100 — не XVII в., а 1503—1504 гг.

Рис. 101 — не XVII в., а 1570—1571 гг.

Рис. 102 — не XIV в. (ср. стр. 36), а XI—XII вв. (по стилю это половецкая «баба»).

Рис. 109 — не 1773 г. (ср. стр. 61), а 1702—1703 гг.

Рис. 117 — не 1926 г. (ср. стр. 56), а 1896—1897 гг.

Рис. 120 — не начало XX в., а 1873—1882 гг.

Рис. 123 — не начало XX в., а 1897—1898 гг.

Рис. 145 — не вторая половина XIX в., а 1813—1814 гг.

Рис. 149 — не начало XX в., а 1881 г.

Рис. 156 — не 1776 г. (ср. стр. 55), а 1722—1723 гг.

Рис. 166 — не вторая половина XIX в., а 1818—1819 гг.

Рис. 167 — не вторая половина XIX в., а 1843 г.

Рис. 168 — не XX в., а 1892—1893 гг.

Рис. 176 — не начало XX в., а 1898—1899 гг.

Рис. 179 — не начало XX в., а 1897—1898 гг.

Рис. 187 — не XX в., а 1878 г.

Рис. 194 — не XX в., а 1879—1880 гг.

Рис. 196 — не XX в., а 1891—1892 гг.

Рис. 197 — не XIX в., а 1904—1905 гг.

Рис. 198 — не конец XIX в., а 1906—1907 гг. На стр. 64 автор пишет, что этот и предыдущий памятники сделаны мастером, который умер в 1880 г. (!?).

Рис. 202 — не XII—XIII вв., а около XIV—XV в. (по почерку).

Рис. 205 — не 1483 г. (ср. стр. 69), а 1404—1405 гг. (в книге напечатано негативное изображение этого камня).

Отметим также, что в списке литературы, использованной автором, неверно указаны годы издания работ И. Г. Гербера, Б. А. Дорна и Н. В. Ханькова.

Л. И. Лавров

М. Я. Жорницкая. *Народные танцы Якутии*. М., 1966, 168 стр.

Эта, казалось бы сугубо искусствоведческая, работа является первым опытом историко-этнографического изучения традиционного танцевального искусства народов Якутии. В своем исследовании М. Я. Жорницкая на основании собранных ею в 1948—1965 гг. полевых материалов не только описала танцы, выяснила их художественные особенности, но и обобщила имеющиеся в этнографической литературе материалы по данному вопросу. Она сопоставила и сравнила, «насколько позволила специфика хореографического искусства», танцы якутов, эвенов, эвенков, юкагиров и чукчей. При этом она исходила из того, что «устойчивость танцевальных традиций, прямая передача их от поколения к поколению делают народное хореографическое искусство, как и фольклор, своеобразным историческим источником» (стр. 12).

Исследование М. Я. Жорницкой состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения.

Во введении автор дает историографический очерк данной проблемы, научную оценку имеющихся материалов. Она рассказывает о так называемом описательном способе фиксации танца, который применяла в своей полевой практике. Сущность его заключается в выделении мелодического рисунка и раскладке движений (па) на такты со словесным описанием элементов движений. Весьма ценными представляются графические схемы пространственной композиции танца, выработанные автором для большей наглядности записи.

Первые три главы посвящены исследованию танца якутов; эвенов и эвенков; чукчей и юкагиров. В связи с тем, что автор рассматривает танцевальное наследие народов Якутии в историко-этнографическом аспекте, в начале каждой главы дается краткая характеристика культуры и быта этих народов.

В главе о танцах якутов М. Я. Жорницкая рассматривает народный якутский танец «осуохай» — хоровод, сопровождающийся песней-импровизацией. Путем сравнительного анализа более 300 исполнений осуохая, она выделила пять вариантов этого танца, отличающихся по типу основного движения. Наиболее распространенный вариант осуохая назван ею якутским, остальные — олекминским, амгинским, усть-алданским и вилюйским. М. Я. Жорницкая выявила также ареалы бытования этих вариантов.

Заслуживает внимание попытка автора проследить эволюцию якутского хоровода за последние два столетия. Обобщение имеющихся в этнографической литературе сведений об осуохае и проверки их во время полевой работы позволили М. Я. Жорницкой дать характеристику его старинного варианта. По ее мнению, осуохай исполнялся в XVII—XVIII вв. медленнее и во многом был связан с якутскими религиозными обрядами, в первую очередь с обрядом благодарения духов-покровителей. Впоследствии, в процессе расселения якутов и обособления отдельных групп сложились упомянутые выше локальные варианты осуохая.

Помимо осуохая М. Я. Жорницкая рассматривает в этой главе некоторые обрядовые танцы якутов. К их числу она относит хороводный танец «сэльбиреске», танцы стерха, журавля, орла, шаманские танцы, обрядовую церемонию, совершаемую при освящении кумыса, и танцевальные элементы в якутских охотничьих обрядах.

Отметим, что М. Я. Жорницкая первая вводит в научный оборот описание якутских обрядовых танцев. При этом следует признать, что некоторые ее выводы дискуссионны. Например, непонятно, почему танец «сэльбиреске» она считает обрядовым. То, что запеваля стоял в центре круга танцующих и держал в руках волосную веревку, не является еще доказательством религиозности этого танца.

Далее, М. Я. Жорницкая высказывает предположение, что якутские подражательные танцы — танцы стерха, журавля и орла — были частью тотемических обрядов. К сожалению, этот вывод не вполне обоснован. М. Я. Жорницкая пишет, что «наиболее распространенным тотемом у некоторых якутских родов был белый журавль (кыталык)» (стр. 54). К числу этих родов она относит «нюрбинцев» (стр. 52). Но у якутов нет рода «нюрбинцев». Нюрбинцами называют жителей Нюрбинского (ныне